

Анастасия Архипова

ТЛЕЮТ УГЛИ
КОСТРОВ
ОТГОРЕВШИХ...

Анастасия Акулова

Тлеют угли костров отгоревших...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576362
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

История любой страны полна интриг, боли, крови, любви, страсти, ярости, великих побед и сокрушительных поражений. В этом сборнике истории о жизни и любви ярких и сильных женщин: «золушек» со схожей судьбой – Екатерины I (прачки, ставшей императрицей), Роксоланы (Хюррем-султан, славянская наложница, одна из самых известных женщин Османской Империи, почти основоположница «Женского султаната»). А так же история самого известного князя из династии Рюриковичей, Александра Невского, которого народ называл Солнцем отечества. «Тлеют угли костров отгоревших – Боёв, любви, крови, побед. Не вернуть тех веков, сгоревших В безжалостном пламени лет. Лишь в книгах о них между строк Я ловлю хоть искру тех костров. Балы, битвы, святость, порок... Потерялись в глубинах веков».

Содержание

Феникс в золотой клетке	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Императрица-золушка	20
Пролог	21
Глава 1	24
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анастасия Акулова

Тлеют угли костров отгоревших...

Феникс в золотой клетке

*Мне перья дергали из крыл... А я – летала!
Пытались воздух перекрыть... А я – дышала!
Меня пугали – не люби... А я любила!
Пытались памяти лишить... Я – не забыла!
Мне говорили, боль сильна... А я – терпела!
Не смей врагов своих жалеть! А я – жалела!
Меня опять сбивали с ног... Но я вставала!
Мне говорили: не найдешь!.. Но я искала!
Твердили все: и не мечтай!.. А я мечтала!
И если даже рухнет мир... Начну с начала!*

Глава 1

Настя, Настася, Настенька... она была многим знакома в своём селе, в Рогатине. Дочь священника. Милая, весёлая девочка, с золотыми, поначалу, волосами, большими, искрящимися зелёными глазками, переливчатыми, словно воды родных земель, и мелкими детскими веснушками на аккуратненьком носике. Она на всё и на всех смотрела с доброй шуткой.

Жили, как говорится, не тужили особо – привычный, счастливый славянский быт и детство, её детство, наполненное запахами нетронутых лесов, зелёных, поросших высокой травой лугов, вспашенных полей и звука церковных колоколов.

И сколько лет, сколько зим провела в сеем счастье – неведомо. В холодные зимние ночи грела тёплая печка и мамины объятия.

– А что страшнее урагана, мама? – тихим голосом спросила девчушка, сжавшись в калачик, – Мне подружки рассказывали про ужас какой-то... мол, появляется неоткуда, исчезает в никуда, лишь смерти и пожарища за собой неся... ей богу, толи сказка, толи нечисть какая, толи ветер неведомый...

Испуганно смотрела на мать, ища ответа.

Та, горько вздохнула, поплотнее укутывая дочь в одеяло.

– То татары, дитё моё, – ответила она, – давно уж не наве-

дывались, слава Богу! Благословен Господь! О, не знать бы и впредь от них тех печалей!

Девочка испугалась, но мама её успокоила. Всё хорошо...

Село жило своей жизнью, словно отдельно от других. А годы текли, так быстро, как песок сквозь пальцы...

И вот ей уже шестнадцать.

Мать охала и с каждым днём всё больше суежилась: мол, пора б и замуж, девица на выданье!

В претендентах недостатка не было. Все хорошего положения, не бедные, не богачи, приятной внешности и так далее... но Насте хотелось ещё немного побыть свободной, весёлой. Незнающим забот ребёнком... Ведь забот у замужней славянки много: работать, убирать по дому, готовить, терпеть превосходство мужика, а главное, нарожать не меньше пятерых детей и вырастить их.

Всё это жило для неё в далёком будущем.

– Мам, пойми, дело не в нём, я... – Начала было она, прогуливаясь с матерью по тропинке к церкви.

– Да понятно, что не в нём, – разгорячилась та, укоризненно поглядывая на дочь, – это же ты отказываешься выходить замуж! И это уже который случай... тебе шестнадцать лет, ты уже почти женщина (по старым меркам)!

Настя тяжело вздохнула. Нет, наверно, этот разговор бесполезен.

– Ты меня не слышишь... – тихо подытожила она.

Откуда-то со стороны раздался крик... нет, даже вопль,

полный ужаса и отчаяния.

Из-за кустов выпрыгнула Нина, её подруга, вся включенная, словно лошадь на дыбах, с искривлённым от страха лицом.

– Там... там! – Промямлила она, дрожа, как в судороге.

– Что? – Помертвев, спросила мама.

Настася застыла, как соляной столб. Что случилось?!

Нина едва дышала, захлёбываясь слезами в конвульсиях.

– Там татары! Настя... твой отец... его...

– Что с ним? – Хором воскликнула она и мама.

Видимо, не в силах сказать ни слова, Нина, в немом ужасе указала на дома рядом с церковью. Огонь был так высок, как деревья...

Ужас, боль, стоны, крики, в душе – пустота невосполнимая, безнадёжная, как смерть...

Чья-то холодная, мягкая рука схватила её за запястье и потащила куда-то. Было слышно лишь:

– В лес! Быстрее, быстрее!..

И побежали сломя голову вдаль, не разбирая дороги – всё знакомо...

Хотелось проснуться и понять, что всё происходящее – лишь кошмар. Но это не сон. Позади слышался незнакомый, противный говор, крики, лязг, топот копыт, чуялся удушливый запах гари...

Тут кто-то резко и грубо остановил на бегу, ухватив за волосы.

На неё смотрел, хищно скалясь, татарин.

Не выдержав, Настя плюнула прямо в его мерзкую рожу.

Татарин в ярости так хлестнул её по лицу, что если бы он всё ещё не держал её, словно в тисках, она бы опрокинулась навзничь.

Второй, так же схватил её маму и... вонзил в неё саблю по самую рукоять.

Дикий вопль эхом прошёлся по старому лесу.

– МАМА!!!

В глазах помутнело. Этого не может быть... Невозможно! Всё было так хорошо ещё час назад!..

Мир померк в холодной, беспросветной тьме, из которой, казалось бы, нет возврата...

Глава 2

Всё остальное – как в дымке. Как продали в крымский дворец, как притащили с другими полонянками сюда, на этот корабль, как заперли в этой тесной каюте – всё в полусне. Всё в том же страшном кошмаре, от которого всё никак не могла отойти...

Тот день, – день, когда всё это случилось, запомнился до предела чётко. Сначала непонимание, страх, дикий бег, крики, стук копыт, кровь... дикая ярость на того татарина и... мама...

Леденящий душу ужас давно покинул. Остались тревога и ноющая боль, зияющая мглой, как пропасть. А в целом такое чувство, будто вырвали душу. Забрали всё, что дорого. Абсолютно всё... Семейю, родину, гордость... есть ли смысл жить?!

Вот они все – полонянки. Такие разные! А с одной судьбою... их связала общая беда. Настя успокаивала рыдающих девушек. Не знала, почему не плачет сама...

Была среди них словно крепость неприступная, несломленная, не подчинённая перипетиям судьбы.

А сердце плакало. Плакало и кровоточило, как одна большая рана... Забудется ли всё это?

Ехали долго, в томительном ожидании... чего? Либо чуда, либо ещё более ужасного, чем ныне.

Приехали в Константинополь довольно тихо, а из города увидели только пару затхлых улочек. Всё по-прежнему плыло перед глазами. Ничего не запоминалось. Большинство девушек вели в оковах. Настю, почему-то, без них. Ей было абсолютно всё равно. Шла, как безликая, грязная, сломанная кукла. Как и все они, эти девушки...

Привели на невольничий рынок. Продавать, как базарное мясо...

Мыли, натирали благовониями без конца. Наряжали... в полупрозрачную ткань и покрывала.

«Ещё и в подарочной обёртке» – со злой усмешкой подумала Настя.

Вывели и поставили в ряд. Для кого?

– Кому продавать-то нас будут? – шепотом спросила девушка у своей соотечественницы.

– Не знаю толком... – промямлила дрожащая девушка, – Там, кажется, старуха-надсмотрщица говорила на ломаном русском, что нас продадут в гарем султана... тех, кто понравятся какому-то греку...

Настя тяжело вздохнула. Да уж, хороша судьбина красным девицам в этой стране!

Вошли двое. Первый, шедший на почтительном расстоянии от второго, по всей видимости, был слугой. А второй представлял собой странное смешение греческой, европейской внешности и восточного, турецкого стиля одежды. Длинная, тонкая шея, белая до бледности кожа, тёмно-каш-

тановые волосы, чуть выбивающиеся из-под его причудливого головного убора, по-гречески прямой нос, немного кривая линия ехидных губ, правильные черты лица и умные, проницательные, хитрые карие глаза. И при всём при этом богатый, усыпанный камнями восточный наряд... вельможи, что ли... такой щегольский! И шёл он так уверенно, как будто хозяин мира.

С мягкой, довольной улыбкой хищника он оглядел девушек.

– Добро пожаловать, Ибрагим-ага! – Подхалимски – сладко пропел работорговец, склонившись в глубоком поклоне.

Ибрагим, царственно кивнув, отправился расхаживать меж рядов, тщательно рассматривая каждую красивую девушку.

Работорговец столь же тщательно улавливал его интересы и с энтузиазмом рассказывал и расхваливал каждую из девушек. Ибрагим лишь усмехался его обильным излияниям.

До неё было ещё две-три девушки, как вдруг хитрый пронызывающий взгляд, зацепившись, остался на Насте.

– Постой! Покажи-ка мне вон ту...

Работорговец запнулся на полуслове.

– Вон ту?..

– Да.

Аккуратно взяв за плечо, Настю вывели из ряда.

До сих пор девушка с ужасом наблюдала за тем, как полонянок, понравившихся греку, выводят и раздевают, попутно

расписывая прелести, до тех пор, пока тот не скажет «достаточно».

Чёрная рука работорговца уже коснулась покрывала, скрывающего её грудь.

Всё что угодно, только не такое унижение!

– НЕЕЕЕТ!!! – взвизгнула девушка, дико вырываясь, – Не посмеешь!

Сердце бешено колотилось в груди, глаза сверкали яростью тигрицы. А и без того пылающие волосы казались огнём вокруг головы.

Ибрагим плотоядно улыбнулся. Похоже, огненная красавица со сложным нравом!

Работорговец ухватил её за запястья и уже собирался силой сдёрнуть с неё верхнее покрывало, но Ибрагим повелительным жестом остановил его:

– Не надо, не трогай её.

Изумлённо выгнув бровь, тот подчинился.

– Я беру её, – продолжил Ибрагим, – Сколько за неё и за тех двух, что я ещё выбрал?

Глава 3

Вновь ехала не понять куда. В неизвестность. В пустоту...

На прошлое больше не оглядывалась – больно. Дышала думами о родных землях, о несчастной судьбе своей и других полонянок.

– Где же вы, земли родные, семья моя?! – Тихо всхлипнула она, забившись в угол повозки.

И оказалась в своей тюрьме. В огромном, чужом дворце Топкапы. Сколько же здесь было всего! Столько и не запомнишь. Но главное уловила Настася – сладкий, едкий и ядовитый дух гарема.

Новоприбывших девушек вновь вымыли, определили место для сна, одежду, объяснили правила.

– Кто такая? Откуда? Как зовут? – Спрашивали гаремные калфы, – не из роксоланов (русских) ли?

Девушка почти ничего не понимала.

– Я Настя! – Гордо вздёрнув головку, ответила она на своём языке.

– Будешь Роксолана, – отозвались калфы.

Кто? Роксолана? Чужое, непонятное имя...

Всякий раз, когда её так называли, девушку пробирала неизъяснимая дрожь.

«Я Настя, – про себя повторяла она, – Была и останусь Настей!»

Но пришлось привыкать.

Девушки делились на служанок господ, общую массу служанок-наложниц, в которую входила Настя, фавориток, у которых было отдельное жильё и на женщин из семьи султана. А именно его сёстры, всемогущая Айше Хафса валидэ-султан, мать повелителя, и его жена, хасеки Махидевран-султан.

Грязнули серые будни. Сон, учёба, обед, работа и по кругу...

Зато научили многому: языку, танцу, грамоте и немного игре на инструментах. А ещё были такие уроки, на которых Настя неустанно краснела – уроки обольщения.

Свободные минутки выдавались редко. Настя всё это время покорно выполняла свою работу и сама поражалась своей покорности. С чего вдруг?

Она томительно ждала чего-то. Чего? Сама не понимала. Чего-то такого, что изменило бы её судьбу.

Девушки без умолку болтали о трёх вещах: о нарядах, о султанах и о его семье.

Настю это мало интересовало. Она лишь звонко смеялась и распевала родные украинские песенки...

За это прозвали её Хюррем – «смеющаяся, забавная, смешливая».

Пела она хорошо. Так хорошо, что все любили её слушать в свободное от дел время.

Потому её и ещё нескольких девушек повели к молодому султану Сулейману показывать таланты.

Глава 4

На этот вечер их без конца мыли, красили, как кукол, наряжали.

Настася не испытывала ни волнения, ни страха, ни особого любопытства. Что ей султан?

Комната, в которую их ввели, была, как и большинство комнат во дворце, богата, уютна, пронизана духом востока.

В центре её сидел молодой султан. У него прямой нос, чёрные усы над тонко очерченными губами и пронизательные, задумчивые и глубокие голубые глаза, сейчас казавшиеся почти чёрными в полумраке свечей. Он был богато одет, как и подобает султану, однако на голове у него был такой причудливый убор, который так позабавил Хюррем, что с её уст не сходила задорная улыбка.

Началось представление талантов. Девушки танцевали, извиваясь мягко, зазывно и страстно. Султан наверняка не останется равнодушным...

Хюррем особо не расстраивалась. Пусть она не умеет так изящно двигать руками и бёдрами, в ней больше задорного огня и жизнелюбия, чем у всех этих девушек вместе взятых.

Все они были красивы, как звёзды.

Когда очередь дошла до Хюррем, от неё не ждали ничего необычного. Красотки лишь ехидно усмехались.

Но ей было всё равно... Девушка начала петь. Пела свою

любимую, родную, украинскую песню, с головой уйдя в воспоминания далёкого детства.

Пела так хорошо, что сердце вздрагивало от сладостной печали, которую вкладывала Настася-Хюррем в эту простенькую песенку вместе с душой...

Окончив петь, она скромно отошла в сторону. Пусть её пение останется незамеченным среди страстных танцев гаремных красавиц. Просто на душе стало почему-то вдруг легко-легко...

Но султан даже не взглянул на танцовщиц. К концу вечера, он, ослепительно улыбнувшись милой певунье, подал ей платок в знак расположения...

Глава 5

Очень скоро Хюррем завоевала сердце падишаха. Она не могла сказать, что любит его, но он чем то сильно нравился ей. Такое чувство вполне могло быть предвестником любви...

За многие годы родила ему пятерых детей: Мехмеда, Михримах, Селима, Баязида и Джахангира. Самый младший, Абдула, умер в младенчестве.

Детей Хюррем любила безмерно. Каждый из них словно впитал в себя часть её сердца, души, жизни, надежд и веры. Особенно старший, Мехмед.

Рвалась к свободе для себя и детей, жаждала её больше чем любви, чем власти. И, в конце концов, обрела её – Сулейман публично объявил её свободной и официально женился на ней.

Хюррем стала единственной и неповторимой. О ней ходили разные слухи – одни говорили, что она ведьма, другие хвалили её за благодеяния. Одним из таких благодеяний был созданный ею вакф и построенные по её приказу больницы и медресе.

Всё бы ничего, но по мере того, как выросли её сыновья, она всё больше задумывалась о том, как бы обеспечить одному из них благополучное восхождение на престол после смерти Сулеймана.

Не было бы никаких тому помех, если бы не одна большая проблема – Мустафа.

Он был сыном Гюльбахар Махидевран-султан, покинутой падишахом из-за могучей любви к ней, к Хюррем. Однако её сын был старшим, самым популярным и самым очевидным наследником престола. Даже в глазах Сулеймана.

Медленно, не спеша, Хюррем приводила в действие замысел против пасынка. Умело распушенные слухи, приукрашенные факты возымели действие на подозрительного по натуре султана: Сначала он сместил сына с должности санджак бея Манисы и провинции Сарухан, где набирались опыта потенциальные падишахи, и отправил в новый санджак, в город Амасью, а затем, спустя ещё двенадцать лет задушил по дороге в Персию.

Хюррем успокоилась. Путь свободен. И, хотя её старший, Мехмед, к тому времени умер от оспы, второй её сын, Селим, уже сидел в Манисе.

Было дело, она пыталась помочь другому своему сыну, Баязиду, поднять восстание против стареющего отца – не вышло. Слезами вымолила прощение и для себя, и для сына...

Остаток лет она прожила в относительном спокойствии и почтении, которые, не смотря на все свои преступления, заслужила. Ведь для того, чтобы достичь той власти и могущества, о котором слагали легенды уже тогда, ей пришлось пройти огонь и воду. К тому же, по Хюррем султан осталась и добрая память – Многочисленные постройки, денежные

средства, выделенные ею нищим, и, конечно же, легендарная любовь к ней самого знаменитого султана Турции, которая, судя по всему, была так велика, что не нуждается в комментариях...

Даже не смотря на то, что большую часть жизни Хюрем-султан прожила в турецком гареме, во дворце Топкапы, бесповоротно изменившем её судьбу, она навсегда осталась той, кем была, славянкой Настасьей Лисовской, хитрой, сильной, задорной девушкой из Рогатина, с безмерно вольным сердцем славянки...

Императрица-Золушка

От автора: Этот рассказ с романтической линией скорее фанфик по историческим событиям, нежели исторический роман, хотя основные факты соблюдены.

Пролог

5 апреля, 1684 г.

В богато обставленной комнате было так тихо, что был слышен даже малейший шорох. Согревая, в огромном камине потрескивал огонь, танцующее пламя свечей в изящных подсвечниках освещало каждый угол. Несмотря на давящую тишину, в светлой и тёплой комнате ощущалась нега, покой, уют.

Вот эту довольно приятную картину омрачало хмурое лицо хозяина дома, который расположился в большом кресле у камина. Поза, взгляд, мимика помещика, господина фон Альвендаля, выдавали крайнее напряжение.

Он – ухоженный, строгий на вид мужчина лет тридцати. Вроде бы, совсем ещё не стар, но в глазах его таилось столько усталости, будто тот прожил очень длинную и тяжёлую жизнь.

– Господин, разрешите? – Раздался где-то рядом женский голос, отвлекая от раздумий, – у вас родилась прелестная девочка.

– Уже всё? – Поинтересовался он, оглянувшись.

Перед ним стояла его кормилица, Анна, бедно, но всегда безукоризненно чисто и опрятно одетая пожилая женщина с пронзительными, добрыми голубыми глазами. Вместо от-

вета она протянула помещику свёрток с мирно спящей новорожденной девочкой.

Аккуратно взяв ребёнка на руки, фон Альвендаль долго всматривался в милое личико крохи, разрываясь между противоположными чувствами – щемящей нежностью и глубокой неприязнью.

– Сейчас весна, господин, – добавила Анна, – Вот я и подумала – может, назовём её... Мартой?

– Хорошо. Как Мария? – Бесцветным голосом спросил он, всё ещё не отрывая взгляда от новорожденной.

Что же с тобой делать, дитё...

– С ней всё хорошо, – тихо ответила женщина, не сдержав слегка презрительного взгляда в сторону своего воспитанника и господина, – Это если в плане здоровья. У бедняжки душа болит... Удивительно, как она перенесла роды, раз выплакала столько слёз.

– Как будто бы она не знала, что я никогда не женюсь на какой-то там служанке, – последнее слово он с омерзением выплюнул, раздражённо поведя плечами, – если не захотела избавиться от ребёнка, то пусть его сама тянет, не предъявляя никаких претензий. По другому-то в таком случае и быть не могло!

Затем добавил:

– Подыщи Марии мужа из крестьян. Так и она счастлива будет, и девочка сиротой не останется.

Тяжело вздохнув, Анна взяла девочку на руки, грустно

улыбаясь.

– Знаете, господин, – тихо начала она, легонько покачивая малышку, – сейчас, конечно, много таких вот случаев, но... от вас я такого не ожидала.

– С чего бы это? – невесело усмехнулся тот, неотрывно глядя на танцующее пламя огня, – Я тоже не святой, знаешь ли. Все мы порочны. Изменить я уже ничего не могу, а бабстард мне не нужен, она будет только мозолить мне глаза, и позорить перед всеми. Так что вариант свадьбы её матери с кем-нибудь подходящим – лучший для всех нас.

– Возможно, – кивнув, согласилась кормилица, – самое главное, чтобы ваш грех не стал уж слишком тяжким бременем для девочки. Надеюсь, она найдёт своё счастье без вашей любви и признания её как дочери.

– Надеюсь, – прошептал помещик, оставшись наедине с собой.

Глава 1

Мариенбург, 1702 г.

– Марта! – Послышался где-то рядом привычный визг, – Где тебя опять носило весь вечер? Ты замужняя девка! Мало тебе позора, который ты нам приносишь одним своим существованием?!

На пороге показалась молодая девушка лет семнадцати-восемнадцати, в каком-то балахоне, грязная настолько, что определить настоящий цвет её волос и кожи казалось делом невозможным.

Ванна – непозволительная роскошь для таких бедных крестьян, фактически, рабов.

Девушка только что вернулась с прогулки. В руках она держала маленькую самодельную корзиночку, полную ягод.

– Я в лес ходила, – спокойно ответила она, обходя кричащую без причины мать и направляясь к своему уголку с широкой, но короткой лавочкой.

С секунду молча буравя дочь взглядом, женщина с руганью вышла из дому, хлопнув и без того шаткой дверью.

Стараясь сдержать очередные непрошенные слёзы, Марта уткнулась носом в тонкую, почти как покрывало, подушку.

Для всех, с самого детства она – никто. Сколько себя помнила, она никогда не знала родительской любви и ласки, что

оказалось даже тяжелей, чем просто нелёгкая жизнь в пыли и грязи, которая стала повседневной реальностью. Марту на протяжении всех восемнадцати лет её жизни преследовали презрительные взгляды, оскорбления. Один лишь только пастор Глюк, её наставник, был добр и вежлив с ней, но у него зачастую и своих забот хватало. Хотя и был он единственным, кто не брезговал ей искренне улыбнуться, даже для него она была кем-то второсортным – прачкой и кухаркой в его доме.

И она знала, почему все так презрительно на неё косятся. Она – незаконнорожденная. Это треклятое слово извечной, непреодолимой горечью жило в её груди. Это её приговор.

Казалось бы, единственный человек в этом мире, который должен был бы её понять и утешить, была её мама, крестьянка Мария. Но нет, она в каком-то плане больше других была озлоблена на дочь, виня её во всех своих проблемах и грехах. Почему? А кто ж поймёт-то?

Наверное, потому, что всегда легче обвинять других, нежели себя.

Безмолвно снося крики и побои, девушка всю жизнь только и делала, что выживала. Ведь те, кто зовётся её родителями – очень бедные люди, крестьяне, у которых часто выдавались очень тяжёлые года. Такие, когда голод становился ночным кошмаром, преследуя везде.

Тем не менее, Марта работала. Стиснув зубы и убивая в себе злобу, ненависть, боролась за жизнь. Но не за то серое,

никчёмное существование, которым жила раньше, а за надежду на нормальную жизнь когда-нибудь.

Порой, надежда – это всё, что нам остаётся.

Весь мир представлялся ей комом грязи и пороков, тюрьмой, проклятьем. И лишь одиноко гуляя по лесу, девушка могла хоть немного успокоиться, унять нарастающую ненависть ко всем и вся.

Когда Марте было почти восемнадцать, её буквально выпинали замуж за местного трубача, Иоганна Крузе. Он оказался неплохим человеком, но замужество не принесло девушке счастья, напротив.

*Мир без любви соткан из боли
Одиночество – враг наш смертельный и злейший
Давно нам даны наши маски и роли,
Нет надежды с пути свернуть ни малейшей.*

*Здесь не простят ни единой ошибки
Здесь сдаться это значит умереть.
Здесь не увидать искренней улыбки
Здесь каждый слеп и не прозреть...*

*Случай – коварный наш кукловод
По жизни лабиринту нас ведёт,
Ведёт туда, где каждый поворот
Может не таким быть, как казался.*

Девочка, которая не плакала даже в детстве, теперь тихо

лила слёзы в подушку едва ли не каждый день. Жалость к себе сумела-таки надломить её, эту хрупкую, никому не нужную девушку с нестигаемой силой духа.

Глава 2

Начавшаяся два года назад война только набирала обороты, но Мариенбурга она пока не коснулась, однако голод среди бедных ужесточился. Ради крох еды приходилось работать до потери сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.